

Ю. С. ОБИДИНА

СОЦИОМЕНТАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА ДРЕВНИХ РИМЛЯН КАК ПРИМЕР КОЛЛЕКТИВНОЙ МНЕМОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается загробное царство древних римлян как пример конкретного локуса в рамках социокультурных макропроцессов. Задача статьи показать, что представления о загробном мире являлись не только зеркальным отражением земной жизни, но и описывались одинаковыми терминами и представляли собой коллективную мнемоническую традицию. Отмечается, что социоментальная топография загробного мира позволила создать символическое место, в рамках которого с помощью коллективных мнемонических традиций римское общество объясняло и оправдывало свое существование в соответствии с системой культурных, религиозных и географических координат.

Ключевые слова: *загробное царство, Аид, Плутон, Вергилий, древний Рим, традиция, визуальные карты, ментальные представления*

На протяжении всей истории Римской империи представление о том, что души умерших отправляются в подземную обитель, оставалось практически неизменным. Различные религии и вероисповедания повлияли на верования о судьбе души после смерти, но все они продвигали идею о том, что духи должны были отправляться в глубины Земли, к эфиру, или Эдему, в самые дальние уголки мира для того, чтобы перейти от пространственного мира живых к вечной размерности мира мертвых. Это потустороннее пространство характеризовалось топографическими и архитектурными элементами, которые создавали имитацию пространства живых¹. Для римлян Аид стал зеркальным отображением их повседневного мира; чтобы уменьшить беспокойство по отношению к неизвестному, римляне придали ему вид, более знакомый и менее таинственный².

Хотя Аид был порожден транспозицией знакомых черт в неизвестное измерение, он также был воспринят как антитеза миру живых, находящемуся в постоянных диалектических отношениях с ним. Действительно, основные представления о времени и пространстве, человеческой ойкумене неприменимы к подземному миру, царству, где природа не была затронута сезонностью, и где пространственные от-

---

¹ Scafi 2006. P. 36-41.

² Ван Баарен предположил, что созданный представителями разных культур, римский Аид воплощал собой структуру космоса и человеческой жизни на Земле, причем экономические и географические условия Римской империи оказали большое влияние и определили общую концепцию загробного мира. Baaren 1989. P. 96.

ношения нарушали все основные законы физики. Кроме того, темнота и тишина, две главные характеристики будущей жизни, часто повторяющиеся в письменных описаниях Аида, внесли свой вклад в создание преимущественно одномерного пространства, где души, а также топографические особенности имели тенденцию исчезать в однотонном и однообразном подземном мире³.

В своем сложном отношении с миром живых, Аид воспринимался как удаленный, но в то же время достижимый и проницаемый. Близость двух миров поддерживалась не только особыми местами в ойкумене, предоставлявшими выбранным героям прямой доступ в царство мертвых. В августе, октябре и ноябре была открыта специальная яма на Палантинском холме, и в течение дня души мертвых возвращались к живым, т.е. существовал постоянный, но управляемый поток между двумя мирами⁴. Социальная составляющая веры в загробную жизнь была усилена религиозными праздниками, такими как Лемурии в мае и Паренталии в феврале. Эти древние ритуалы были основаны на вере, что души могли временно мигрировать из своих постоянных домохозяйств в Аиде, чтобы посетить дома своих живых родственников⁵. Отрывок из «Сатурналии», датируемый первыми годами V в. н.э. подробно описывает распространенное мнение о возможности мертвых «циркулировать» среди живых и свидетельствует о его поразительной живучести⁶.

Таким образом, географическое познание мира и тенденция римлян к концептуализации обживаемого пространства становятся основными источниками вдохновения при создании Аида, способствуя переводу топографических и архитектурных компонентов загробного мира в визуальные карты, которые, если и не были представлены в соответствующих зрительных образах, были, по крайней мере, отражены в ментальных представлениях.

Поскольку Аид отражал мир живых, а ойкумена в представлении римлян была окружена Океаном, то точно так же, адские реки окружали подземное царство и разделяли его на различные взаимосвязанные, но самодостаточные регионы. Это представление о реках, как естественных границах, явно хорошо укоренилось для сближения фактического и фантастического географического пространства, и осталось неизменным на протяжении всей истории Империи⁷.

Расхождения в расположении Аида в греческой и римской традициях являются свидетельством более общего отношения римлян к гео-

---

³ Borca 2000. P. 51.

⁴ Fowler 1912; Cumont 1949. P. 59-60.

⁵ Banti 1929. P. 182-189; Cumont 1949. P. 396-398; Toynbee 1971. P. 61-64.

⁶ Macrobius. Saturnalia, I.16-18.

⁷ Braund 1996. P. 46.

графии, что привело к серьезным отличиям в изображениях и описаниях греческого и римского мира мертвых⁸. Греки были заинтересованы в изучении географических областей во всей их полноте и единстве. Они стремились выявить и объяснить явления, регулирующие внешний мир: проводили математические расчеты, чтобы определить размер Земли, а также понять взаимоотношения между Землей и небом, чтобы понять саму суть Космоса⁹. Их точка зрения была скорее этноцентрической, чем этнографической. Греческая ойкумена воспринималась как центр Вселенной: все другие известные зоны были изучены в связи с этой точкой опоры и, следовательно, воспринимались в сравнении и отличии от нее. Этнографические подробности не слишком интересовали греков, в основном потому, что они предоставляют информацию об ограниченных аспектах мира, но не расширяют общие знания о нем.

В то время как греки применяли прикладную математику для изучения территории, римляне предпочитали топографию для фиксации поверхности местности через чертежи. Свидетельства Птолемея о различиях между региональной и мировой картографией четко излагают два различных подхода к изучению мира¹⁰. Однако объединение этих двух различных географических подходов привело к созданию уникальной концепции мира, где известные и неизвестные, реальные и вымышленные земли оказались вне возможностей дифференциации, так как они были описаны с помощью аналогичной терминологии.

Цель данной статьи – рассмотреть загробный мир древних римлян в качестве конкретного локуса в контексте макропроцессов, поскольку он был помещен в пространственно-временные рамки реального социального и культурного взаимодействия. При этом не просто рассмотреть его как коллективную мнемоническую традицию и ментальный пространственный образ, а как пример некоего микрокосмоса, как развивающегося организма, способного создать полноценную коллективную биографию древних римлян¹¹.

Постепенное территориальное расширение империи заставило римлян обращать более пристальное внимание на свои географические познания. Последние оказывались под самым непосредственным воздействием военных побед римлян, и были подвергнуты определенной идеологизации¹². Идеологические компоненты в географических описаниях поздней Республики и ранней Империи играли роль и в описаниях хтонических областей, что доказывает существование прямого

---

⁸ Whittaker 2004. P. 63.

⁹ Обидина 2017.

¹⁰ Ptolemy Geography I.1.

¹¹ Репина 2011. С. 165.

¹² См.: Rambaud 1974.

вывода топографических характеристик Аида из форматов, используемых в формировании пространства Империи¹³.

С конца эпохи Республики официальная пропаганда начинает утверждать, что границы Рима и мира совпадают¹⁴. В 61 г. до н.э. Помпей объявил, что границы Римской империи распространились до самых пределов Земли¹⁵. Затем Август провозгласил, что мир – это империя Рима¹⁶. Современные Августу писатели подчеркивали этот аспект универсальности Вселенной: согласно Овидию, пределы города Рима и мира совпадали, в то время как для Вергилия универсальность пространства соответствует универсальности времени¹⁷. По сути, римляне деформировали понятие времени: они расширили его, чтобы создать иллюзию вечного момента славы и, в то же время, они сжали его, чтобы увековечить непреложный примат поднимающейся Империи. Кроме того, подобные манипуляции произошли и с понятием пространства: с прогрессирующим расширением территории Империи вся ойкумена, полнота обитаемого мира, идеологически была преобразована в единый Ойкос, одним словом, приобрела свойства одного грандиозного домашнего хозяйства, чем, по сути, и являлся Рим для Августа.

Как справедливо отметил В. Вжосек, «применяя свой ментальный культурный инструментарий, мы не можем исследовать объект своего познания так, чтобы это не оказывало воздействия на результат исследования»¹⁸, что еще в большей мере актуально для изучения представлений о загробном мире. Все дошедшие до нас описания римского Аида являются путешествиями героя или умершего, а хтонические населенные пункты представлены в виде последовательных остановок по дороге, с редкими экскурсами и описаниями более точных деталей топографического характера конкретных областей. Аид описывается в т.н. «горизонтальной перспективе», где путь определяется по отношению к следующему для посещения или наиболее доступному месту, а не к общей географии и топографии подземного мира. Эта одномерность постоянна в большинстве текстов, которые описывают регионы и содержат данные топологии – не только в географических трактатах, но и в текстах, связанных с путешествиями в подземный мир¹⁹.

Таким образом, римское географическое и топографическое понимание мира, идейно-практическое представление о нем, фундаменталь-

---

¹³ Feldherr 1999. P. 91-96, 116.

¹⁴ Morgan 1980. P. 143-146.

¹⁵ Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica, XL, 4,1.

¹⁶ Storoni Mazzolani 1994.

¹⁷ Ovid. Fasti, II. 683-684; Virgil. Aeneid, I. 278-279.

¹⁸ Вжосек 2012. С. 157.

¹⁹ О роли путешествия в описании загробного мира см.: Обидина 2016. С. 9-17.

ная роль путешествия в визуализации пространства, свидетельствуют о том, что концепция Аида как географической реальности глубоко укоренилась в культурных представлениях эпохи. Загробный мир римлян был построен из природных и архитектурных элементов, полученных из наблюдений за современной ойкуменой, и, следовательно, литературные и художественные изображения подземного царства сформировались, в конечном счете, под влиянием множества конвенций, как в повествовании, так и в визуализации фактических местностей²⁰. Другими словами, римский Аид может быть представлен как результат посредничества между элементами реальности и фантазии. Этот процесс соответствует созданию мысленных образов неизвестных мест или, по определению Сервия²¹, является риторической фигурой описания, т.е. полной противоположностью реальной топографии.

Действительно, в понимании литературных и художественных хтонических пейзажей, человек занимался расшифровкой событий и идентификацией топографических элементов, в соответствии с системой культурных, религиозных, и географических координат. Этот процесс идентификации был основан, прежде всего, на общечеловеческой предрасположенности к созданию ментальных пространственных образов, с опорой на знакомые топографические и географические элементы, которые характеризуют как реальные, так и мнимые населенные пункты. В римской образованной аудитории эта предрасположенность усиливалась с помощью мнемонических методов, применяемых в риторическом обучении, когда каждого учили визуализировать воображаемые объекты и связывать в памяти события в пространстве. И, наконец, расцвет литературы об утопических землях и его художественный двойник в виде идиллических пейзажей также повлияли на формирование фантастической топографии Аида.

Представление о том, что мысленные образы создаются, опираясь на уже существующие элементы в памяти, не было чуждо античной мысли. Рут Уэбб показала, что греки и римляне были знакомы с идеей о том, что ментальные образы являются результатом комбинации уже существующих воспоминаний и перестраиваются по мере необходимости²². В человеческом сознании географические знания не хранятся в готовом виде. Наше пространственное знание неизвестной среды изначально основано на паре ориентиров, которые обеспечивают элементарную ориентацию в пространстве и помощь в передвижении. При мысленной доработке наших представлений о такой среде, мы подключаем эти ориентиры и разрабатываем маршруты, используемые для

---

²⁰ О визуализации загробного мира у древних римлян: Casagrande-Kim 2012.

²¹ Servius. In Vergilii..., I.159-160.

²² Webb 2009. Ch. 5.

перемещения между ними. Наиболее сложная форма пространственных знаний достигается тогда, когда информация о различных маршрутах объединена в виде единого и согласованного представления. С точки зрения Б. Кейперс²³, в психике человека географические знания делятся на несколько частичных представлений, которые слабо связаны друг с другом, как страницы в атласе. Поэтому при получении информации о конкретном месте нам часто требуются сведения более чем с одной страницы наших «когнитивных атласов», и полученное представление состоит из комбинации отдельных фрагментов, взятых из существующих знаний. Следуя за теорией Б. Кейперс, Б. Тверски предложил понятие «когнитивной метафоры», согласно которой ментальные представления составляют некий коллаж из фрагментов, полученных из разнородных частей пространственной информации²⁴. Общей характеристикой представлений о пространстве, как реальном, так и фантастическом, является отсутствие когерентности, правдивости и полноты. Такого рода знания являются фрагментарными, неполными и искаженными. Таким образом, наши представления о любом пространстве, на самом деле, далеки от действительности: даже когда мы представляем знакомые нам места, расстояние до них и ориентация в пространстве искажаются, чтобы соответствовать тем идеальным формам, которые мы пытаемся невольно им придать. К этому надо также прибавить переизбыток информации, с которой мы сталкиваемся каждый день. Под ее влиянием наш мозг усваивает лишь небольшую часть впечатлений от окружающего мира. После того, как информация о каком-то пространстве собрана в единое целое, мозг, наконец, готов произвести внешнее представление, которое может принимать форму двух- или трехмерной модели, топографической карты или простого описания.

Визуализируя загробный мир, римляне, вероятно, проводили подобный акт мыслительной реконструкции. Другими словами, все ландшафтные элементы подземного мира они взяли из общих географических и пространственных знаний. В основу этой реконструкции легли знакомые пейзажи, памятные черты, отражающие исторические, мифологические, культурные и религиозные представления эпохи, ставшие первичными ориентирами, которые впоследствии были скорректированы под влиянием утвердившихся культурных установок²⁵.

Как же римляне могли описать несуществующее место, вернее, место, которое они никогда не посещали? Возможно, образы, складывающиеся на основе опыта, создавали основу для последующего конструирования. Это также можно отнести и к терминологии, принятой

---

²³ Kuipers 1982. P. 210.

²⁴ Tversky 1993. P. 20.

²⁵ Cohen. 2007. P. 309.

в описании такого рода воображаемых местностей. В случае римского Аида, терминологический аппарат находится в прямой зависимости от реальных географических названий. Результатом становится смешение реальности и фантазии, на что недвусмысленно намекают сами авторы, с целью усилить таинственность и неуловимость описываемых пейзажей. Предлагается игра в воображаемые места, которые искажены в зеркале повседневного мира.

В качестве яркого примера можно привести шестую книгу «Энеиды», в которой описание топографии Аида четко следует мысленно сконструированному Вергилием образу подземного мира. Вергилий, по сути, создал пейзаж, напоминающий городскую и сельскую местность современной ему Италии. Вход в подземное царство напоминает монументальные ворота типичного итальянского города, большая часть растительности, произраставшей в Аиде, была знакома жителю полуострова. Общее же описание загробного мира является фрагментарным и неполным, а пространственные отношения искажены и, в конечном счете, нереальны. В основном это связано с тем, что повествование основано на последовательности ориентиров, которые указывают на начало, конец и перекрестки пути, пройденного Энеем.

Таким образом, предполагаемая обстановка Аида определяется ходом главной дороги подземного царства, когда посетитель последовательно останавливается у входа в подземный мир, на пересечении Стикса, в пещере Цербера, на развилке дорог между Тартаром и Элизидом, и наконец, дворце Плутона²⁶. Каждая остановка предполагает точное следование по маршруту и является условием попадания в следующий пункт.

При этом подразумевается, что общее представление о загробном царстве должно быть понятно римскому читателю, и он должен быть уведомлен о современных верованиях в загробную жизнь, поскольку сцены подземного царства изображены довольно схематично. Вся карта римского Аида выстроена вокруг пути, или маршрута, по которому идет герой или умерший. Кроме того, установка не передает общую схему Аида, а только географические или топографические объекты, которые описаны один за другим, в той последовательности, в которой душа сталкивается с ними во время путешествия.

Однако описание загробного мира – это не только мыслительный процесс автора. Читатель также должен распознавать эти мыслительные образы, чтобы декодировать и понимать элементы воображаемых местностей, с целью сделать их своим достоянием. Но поскольку пространственные представления основаны на механизмах, которые яв-

---

²⁶ Virgil. Aeneid, VI. 273-289.

ляются уникальными для культурной среды каждого общества, то публика и писатель должны делиться в целом понятными и принятыми географическими фактами. Именно из этих общих знаний о пространствах, как реальных, так и вымышленных, вычленяются локусы, которые становятся символически значимыми благодаря их высокой культурной, социальной и религиозной ценности. Эти локусы могут быть реальными или вымышленными, как в случае с загробным миром, могут иметь мнимые параметры, но их существование отвечает на конкретные культурные потребности общества. Такого рода социоментальная топография включает в себя процесс социализации мнемонического: с помощью коллективных мнемонических традиций каждое общество объясняет и оправдывает свое существование укоренением в общественном сознании таких символических мест. Таким образом, степень правдоподобности определенного географического объекта или его местоположение не имеет никакого отношения к его символическому значению, и данное обстоятельство не влияет на фактический акт его описания или воспроизведения.

Современные исследователи, как и их предшественники, в большинстве случаев пытаются традиционным образом подойти к расшифровке местоположения Аида – найти конкретные географические соответствия элементов, присутствующих в представлениях и описаниях. Особенно когда речь шла о древних текстах, то ученые пытались найти вход в Аид на современной карте, кропотливо искали несоответствия и объясняли их ошибками древних авторов. Действительно, большинство из описанных древними авторами входов в загробный мир не фиксируется на реальных планах местности. Поэтому Вергилий и другие авторы были обвинены в некомпетентности, либо в нарочном изменении некоторых топографических деталей и ландшафтов для реализации неких политических устремлений²⁷. Появляются даже аргументы вроде «поэты же не являются картографами»²⁸. Но такие неточности следует считать не результатом невежества или идеологических манипуляций, а естественными компонентами представлений о неизвестных местностях, перенесенными на реальные географические условия, с помощью которых авторы могли познакомить читателя с ними.

Количество исследований и спекуляций на тему локализации загробного мира является поистине впечатляющим. Однако, по справедливому утверждению Н. Хорсфолла, «стремление к точности не означает наличие средств для ее достижения»²⁹. Нечеткость изображаемых

---

²⁷ Hitchcock 1933.

²⁸ Fratantuomo 2007. P. 199.

²⁹ Horsfall 1985. P. 197.

географических регионов является результатом невозможности перевода в точные измерения понятий таинственного, мистического и неумовимого, которые в конечном итоге никогда не будут зафиксированы в категориях живых людей. В конце концов, Вергилий не держал карту в руках, описывая путешествие Энея, чтобы воссоздать обстановку подземного мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Вергилий. Энеида* / Пер. с лат. С. Ошерова. М.: Азбука–классика, 2013. 384 с.
- Диодор Сицилийский. Диодора Сицилийского историческая библиотека*. Пер. И. Алексеевым. Ч. 1–6. СПб. 1774–1775.
- Клавдий Птолемей. Руководство по географии (отрывки)* / Пер. С.К. Апта и В.В. Латышева // *Античная география*. М., 1953. С. 286–323.
- Макробий. Сатурналии* / Пер. с лат. и греч., прим. и словарь В.Т. Звиревича / Под ред. С.П. Пургина. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного ун-та, 2009. 372 с.
- Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы*. Сост. и предисловие М. Л. Гаспарова. Коммент. и ред. переводов М. Гаспарова и С. Ошерова; Перевод с латинского Ф. А. Петровского. М.: «Художественная литература», 1973. 528 с.
- Servianorum in Vergili Carmina Commentariorum*. Edition Harvardiana. Vol. III. The Commentaries on Aeneid III-V, éd. Stocker (Arthur F.) et Travis (Albert H.). Oxford: The University Press, 1965. 590 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012. 336 с. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaja istina, M.: Krug, 2012, 336 p.]
- Обидина Ю.С. Топография загробного мира у древних римлян // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). Чебоксары, 2017. С. 75–78. [Obidina Ju.S. Topografija zagrobnogo mira u drevnih rimljan. Aktual'nye voprosy arheologii, jetnografii, istorii (k 100-letiju so dnja rozhdenija V.F. Kahovskogo i 60-letiju Chuvashskoj arheologicheskoj jekspedicii). Cheboksary, 2017, pp. 75–78].
- Обидина Ю.С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления человека в греческой архаической космологии // Запад–Восток. 2016. С. 9–17. [Obidina Ju.S. Puteshestvie Odisseja v zagrobnij mir: opyt osmyslenija cheloveka v grecheskoj arhaicheskoj kosmologii, Zapad-Vostok, 2016, pp. 9–17].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv, M.: Krug, 2011, 560 p.]
- Banti L. Il culto dei morti nella Roma antichissima // Studi italiani di filologia classica. 1929. № 7. S. 171–198.
- Borca F. Per loca senta situ ire: An exploration of the chthonian landscape // Classical Bulletin. 2000. № 1. P. 51–59.
- Braund D. River frontiers in the environmental psychology of the Roman world // Kennedy D.L. The Roman Army in the East // Ann Arbor. Michigan, USA: Journal of Roman Archaeology, 1996. P. 43–48.
- Casagrande-Kim R. The Journey to the Underworld: Topography, Landscape, and Divine Inhabitants of the Roman Hades. The dissertation of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Art and Science. Columbia University, 2012. 368 p.
- Cohen A. Mythic Landscapes of Greece // Woodard R.D. The Cambridge Companion to Greek Mythology. Cambridge: Cambridge Universite Press, 2007. P. 305–330.
- Cumont F. Lux Perpetua. Paris: Paul Geuthner, 1949. 524 p.
- Feldherr A. Putting Dido in the Map: Genre and Geography in Vergil's Underworld // Arethusa. 1999. № 32. P. 85–122.

- Fowler W.W. *Mundus Patet*. 24th August, 5th October, 8th November // *The Journal of Roman Studies*. 1912. № 2. P. 25–33.
- Fratantuono L. *Madness unchained: a reading of Virgils Aeneid*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2007. 427 p.
- Hitchcock L.S. *Selective Topography* // *The Classical Journal*, 28. April. 7. 1933. P. 505–514.
- Horsfall N. *Illusion and Reality in Latin Topographical Writing* // *Greece & Rome*. Second Series. Vol. 32. № 2. October 1985. P. 197–208.
- Kuipers B. *The map in the head metaphor* // *Environment and Behavior*, 14. 1982. № 2. P. 202–220.
- Morgan M.G. *Imperium sine finibus: Romans and World Conquest in the First Century B.C.* // Burnstein S.M., Okin L.A. eds. *Panhellenica: essays in ancient history and historiography in honor of Truesdell S. Brown*. Lawrence 1980. P. 143–154.
- Rambaud M. *L'espace dans le recit cesarien* // Chevalier R. ed. *Littérature grégoromaine et géographie historique: Mélanges offerts à Roger Dion*. Paris, 1974. P. 111–129.
- Scafi A. *Mapping paradise: a history of heaven on earth*. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 2006. 398 p.
- Storoni Mazzolani L. *L'idea di citta nel mondo romano: l'evoluzione del pensiero politico di Roma*. Firenze: Le Lettere, 1994. 162 p.
- Toynbee J.M.C. *Death and burial in the Roman world*. Ithaca, N.Y.: Cornell U.P., 1971. 336 p.
- Tversky B. *Cognitive maps, cognitive collages, and spatial mental models* // Ed. by A. Frank, I. Campari. *Spatial information theory. A theoretical basis for GIS*. Berlin, Springer-Verlag, 1993. P. 14–24.
- Van Baaren T.P. *Geographies of Death* // Sullivan L.E. ed. *Death, afterlife, and the soul*. New York: Macmillan, 1989. P. 96–101.
- Webb R. *Ekphrasis, Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice*. Farnham: UK / Burlington, VT: Ashgate, 2009. 238 p.
- Whittaker C.R. *Rome and its frontiers: the dynamics of empire*. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 246 p.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций, Нижегородский государственный университет им. Н.Н. Лобачевского; basiley@mail.ru

Socio-mental topography of the underground world of ancient Romans as an example of collective mnemonic tradition

The article deals with the afterlife realm of the ancient Romans as an example of a specific locus in the framework of macro-socio-cultural processes. The article's aim is to show that the ideas of the afterlife were not only a mirror image of the earthly life, but also described similar terms and represented the collective mnemonic tradition. It is noted that socio-mental topography of the underworld allowed to create a symbolic place, where the Roman society explained and justified its existence through collective mnemonic traditions in according to a system of cultural, religious, and geographical coordinates.

Keywords: afterlife realm, Hades, Pluto, Virgil, the ancient Rome, tradition, visual maps, mental representations

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Nizhny Novgorod State University, basiley@mail.ru